

В. С. Верпечинскис
Минск, МГЛУ

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ ТОМАСА БЕРНХАРДА
С КОМПОНЕНТОМ *-MENSCH*
В РОМАНЕ «DER UNTERGEHER» В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются единицы номинации со статусом *ad hoc*, встречающиеся в романе Томаса Бернхарда «Der Untergeher», в образовании которых участвует компонент *-mensch*, на предмет их передачи на русском языке. Для этого проводится сопоставление текста оригинала и перевода, выполненного переводчиком А. В. Маркиным. При переводе окказионализмов важно выполнять не только словообразовательный и стилистический, но и контекстуально-семантический анализ исходных лексических единиц ввиду того, что в случае образования окказионализмов при использовании употребительной словообразовательной модели может иметь место появление новых сем в значении их компонентов. Однако экспликация таких смысловых элементов приводит к большому объему переводческих потерь при трансляции экспрессивных лексических новаций с высокой степенью контекстуальной прикрепленности.

Одним из наиболее распространенных и продуктивных способов словообразования в немецком языке является словосложение. Так могут создаваться и продукты авторского словотворчества – окказионализмы, ибо «структура немецкого языка такова, что она открывает широкие возможности для конструирования и переконструирования слов из существующих основ и аффиксов» [1, с. 9]. При этом необходимо отметить, что лексические новации в таком случае могут образовываться как по моделям, существующим в словообразовательной системе немецкого языка, так и при их расширении (с помощью лексических элементов, которые в данных конструкциях отличаются своей новизной и необычностью [2, с. 117]) и даже при нарушениях в отношениях между компонентами словообразовательных структур, представленных употребительными моделями.

Когда речь идет о переводе немецких авторских образований на русский язык, стоит отметить, что, прежде чем приступить к поиску или созданию эквивалента на языке перевода, переводчику необходимо проанализировать исходную лексическую единицу на предмет способа ее образования, определить тип отношений между ее непосредственными составляющими и выяснить, наблюдаются ли какие-либо отклонения от норм словообразовательной системы немецкого языка. Важно также понять, имеет ли место экспрессивность и контекстуальная прикрепленность. При этом целесообразно обратить внимание на тот факт, что именно словообразовательная модель может указывать на наличие у лексической новации экспрессии (необычности и оригинальности) и ее зависимость от контекста¹, что, в свою очередь, необходимо учитывать при переводе и что впоследствии позволяет оценить объем переводческих потерь при передаче окказионализма на русском языке.

¹Подробнее об экспрессивности окказионализмов и их контекстуальной прикрепленности писали Ф. Н. Нурисламова [3, с. 14] и А. Г. Лыков [4, с. 70].

Единицы номинации со статусом *ad hoc* часто используются авторами художественной литературы для создания ярких и незабываемых образов. Австрийский писатель Томас Бернхард известен своим авторским стилем, неотъемлемой чертой которого является употребление окказионализмов. Его роман «Der Untergeher», опубликованный в 1983 году, также содержит множество окказиональных единиц. Произведение было переведено на русский язык современным писателем и переводчиком Александром Викторовичем Маркиным и получило название «Пропаций». Таким образом, представляется возможным сопоставить текст оригинала и перевода и выявить основные способы передачи немецких окказионализмов на русском языке, использованные при переводе данного романа. При этом в качестве практического материала для статьи были выбраны окказионализмы, являющиеся продуктами словосложения и содержащие компонент *-mensch*.

Следует отметить, что всего в романе было зафиксировано 15 композитов с данным компонентом, однако 5 из них (*Geistesmensch*, *Gewohnheitsmensch*, *Großstadtmensch*, *Musikmensch*, *Wissenschaftsmensch*) не являются окказионализмами (они часто встречаются в устной и письменной речи и не привязаны к контексту). Их присутствие в тексте, однако, свидетельствует о том, что при создании собственно окказиональной лексики используется употребительная, продуктивная словообразовательная модель, но происходит ее расширение за счет добавления новых и в некоторых случаях не совсем привычных для данного компонента-партнера лексем, что наделяет такие словообразовательные структуры яркостью и наглядностью.

В зависимости от экспрессивности и степени контекстуальной прикрепленности лексические новации с компонентом *-mensch* в романе Томаса Бернхарда можно разделить на две группы:

- неэкспрессивные окказионализмы с низкой степенью прикрепленности к контексту;
- экспрессивные окказионализмы с высокой степенью прикрепленности к контексту.

Принадлежность авторских образований к той или иной группе позволяет оценить значимость использования лексических единиц в исходном тексте и объем переводческих потерь при невозможности передать какой-либо из компонентов значения исходного слова в языке перевода.

Обратимся к неэкспрессивным окказионализмам. Необходимо отметить, что 4 из 6 таких лексических единиц имеют в своем составе географическое название. Этим фактом и обусловлена их относительно низкая степень контекстуальной прикрепленности.

*Da habe er oft gedacht, ob es nicht sein größtes Unglück sei, in eine reiche Familie hineingeboren worden zu sein, dachte ich, denn er hat immer gesagt, er fühle sich in Floridsdorf und in Kagran wohler, als im Ersten Bezirk, unter den **Floridsdorfmenschen** und **Kagranmenschen** wohler als unter den **Ersterbezirkmenschen**, die ihm im Grunde immer verhaßt gewesen seien.*

*Aber immer wieder sagte er auch, daß es ein Irrtum sei, zu glauben, als Floridsdorfer wäre er glücklicher, als Kagraner, als **Alsergrundmensch**, dachte ich, daß es ein Irrtum sei, anzunehmen, diese Leute hätten den **Ersterbezirkmenschen** wenigstens einen besseren Charakter voraus [Т. В., S. 86].*

В данном случае *Floridsdorf, Kagran, Alsergrund* и *der Erste Bezirk* представляют собой названия районов Вены. Таким образом, непосредственные составляющие композитов связаны друг с другом локативными отношениями. Это необходимо учитывать и при переводе окказионализмов.

На мосту он часто думал о том, не было ли самым большим его несчастьем родиться в богатой семье, думал я, потому что он всегда говорил, что чувствует себя во Флоридсдорфе и Кагрane лучше, чем в первом районе, а среди людей из Флоридсдорфа и Кагрane – лучше, чем среди людей из первого района, которые, по сути, были ему всегда ненавистны.

При этом, однако, он все время говорил, что неправильно думать, будто, стань он жителем Флоридсдорфа, или жителем Кагрane, или жителем Альзергрунда, он был бы счастливее, думал я, и неправильно считать, будто жители рабочих кварталов превосходят людей из первого района тем, что они лучше по характеру [Т. Б., S. 36].

Переводчик использует грамматические трансформации: разбивает сложные слова на словосочетания. Стоит отметить, что можно было бы пойти также по пути создания окказионализмов и в русском языке, попытавшись использовать русские суффиксы для образования названий жителей, однако для композита *Ersterbezirkmensen* такой способ не может быть применен ввиду того, что словообразовательная конструкция состоит не из собственно географического названия, а из словосочетания существительного с порядковым числительным, которое в данном случае выступает как имя собственное.

Следующие немаркированные окказионализмы также не ощущаются как таковые из-за того, что они представляют собой лишь результат расширения продуктивной словообразовательной модели немецкого языка. Считать их единицами со статусом *ad hoc*, однако, стоит, так как они редко употребляются в речи (менее 200 упоминаний в поисковых системах).

Wertheimer habe seine Schwester immer zwingen müssen, nach Traich zu kommen, er, Franz, glaube sogar, daß Wertheimer seine Schwester gehaßt habe, aber ohne sie in Traich nicht existieren habe können und ich dachte, daß Wertheimer immer von Alleinsein geredet hat, ohne tatsächlich allein sein zu können, er war kein Alleinmensch, dachte ich [Т. Б., S. 156].

*Selbstmörder sind lächerlich, hat Wertheimer oft gesagt, <...> auffällig ist natürlich jetzt, daß er sehr oft über Selbstmord gesprochen, sich dabei aber immer über die Selbstmörder mehr oder weniger, wie ich sagen muß, lustig gemacht hat, immer so über den Selbstmord und die Selbstmörder geredet hat, als ginge ihn weder der eine Begriff noch der andere etwas an, daß der eine wie der andere für ihn nicht in Frage komme. Ich sei ein **Selbstmordmensch**, hat er oft gesagt, erinnerte ich mich auf dem Weg nach Traich, ich sei der Gefährdete, nicht er [Т. Б., с. 149].*

Несмотря на то, что основное значение окказиональных единиц можно понять без контекста, знакомство с текстовым «окружением» лексических новаций позволяет сделать вывод о дополнительной семе ‘склонный к чему-либо’, ‘потенциальный’, которая появляется при использовании именно окказионализмов *Alleinmensch* и *Selbstmordmensch*, а не узуальных синонимов и синонимичных конструкций – *einsamer Mensch*, *Selbstmörder*. Обратимся к переводу указанных авторских образований.

Вертхаймер все время чуть ли не силой заставлял сестру приезжать в Трайх, он, Франц, даже думает, что Вертхаймер ненавидел сестру, но без нее он не мог бы существовать в Трайхе, и я подумал, что Вертхаймер всегда говорил об одиночестве, хотя в действительности не мог находиться в одиночестве, он не был **одиночкой**, думал я [Т. Б., с. 65].

Самоубийцы смехотворны, часто говорил Вертхаймер; <...> теперь-то, естественно, заметно, что он очень часто говорил о самоубийстве, но при этом он, нужно сказать, всегда так или иначе над самоубийцами посмеивался, всегда говорил о самоубийстве и самоубийцах так, будто его не касалось ни то ни другое, будто ни о том ни о другом для него самого и речи не идет. Он часто повторял, что это я **потенциальный самоубийца**, вспоминал я по дороге в Трайх, что я в опасности, а не он [Т. Б., с. 62].

При переводе на русский язык А. В. Маркин выбирает неокказиональные эквиваленты. При этом стоит отметить, что во втором случае происходит экспликация упомянутой выше семы при помощи добавления прилагательного **потенциальный**. По нашему мнению, так же необходимо было поступить и при переводе окказионализма *Alleinmensch*, однако, в любом случае, это не вызывает больших переводческих потерь.

Обратимся ко второй группе окказионализмов с компонентом *-mensch*, которые отличаются наличием экспрессии и высокой степенью контекстуальной прикрепленности. Каждое из этих авторских образований уникально и наделено стилистической окраской как необычное, яркое и оригинальное слово-носитель художественного образа.

*Beschreibung des Stierkampfs, Retiroparkreflexionen, dachte ich, die mir Glenn niemals bestätigt hat. Wertheimer hat Glenn oft nach Traich eingeladen, daß ihm das Jagdhaus liegen müsse, hat Wertheimer gedacht, Glenn war niemals darauf eingegangen, nicht einmal Wertheimer war ein **Jagdhausmensch**, schon gar nicht Glenn Gould [Т. Б., S. 39–40].*

*Aber andererseits war er ein **Zettelmensch**, schrieb Tausende, Zehntausende Zettel voll und stapelte diese Zettel in der Kohlmarktwohnung genauso wie im Traicher Jagdhaus [Т. Б., S. 53].*

*In dieser Gegend hatte Wertheimer verrückt, ja am Ende wahnsinnig werden müssen, dachte ich und ich sagte mir, daß er immer genau der Untergeher gewesen ist, von welchem Glenn Gould immer gesprochen hat, ein typischer **Sackgassenmensch** ist Wertheimer gewesen, sagte ich mir, von der einen Sackgasse heraus ist er mit Sicherheit immer wieder in eine andere Sackgasse hineingegangen, <...> überhaupt haben solche Menschen immer nur die Wahl zwischen der einen Sackgasse und der andern [Т. Б., S. 141–142].*

Экспрессивность окказионализмов *Jagdhausmensch*, *Zettelmensch* и *Sackgassenmensch* является следствием нарушения семантической конгруэнтности их непосредственных составляющих: без контекста читателю (и переводчику) не может быть понятно, в каких отношениях находятся компоненты композита. Текст романа, однако, позволяет сделать вывод о том, что в данных лексических новациях словообразовательный элемент *-mensch* получает дополнительную сему ‘любит что-либо делать’ (≈ часто делает что-либо). Однако именно за счет того, что не происходит экспликации указанной семы, окказионализмы и получают стилистическую окраску и обращают на себя внимание читателя. Приведем перевод данных окказионализмов, выполненный А. В. Маркиным.

Вертхаймер не раз приглашал Гленна в Трайх в надежде, что охотничий дом придется по душе Гленну, но Гленн так и не переступил порога вертхаймеровского дома: Вертхаймер никогда не был человеком, предпочитающим жить в охотничьих домах, а Гленн – и по-прежнему [Т. Б., с. 16].

С другой стороны, он был любителем каталожных карточек, истисывал тысячи, десятки тысяч каталожных карточек и складывал их в стопки — как в своей квартире на Кольмаркте, так и в охотничьем доме в Трайхе [Т. Б., с. 22].

В этих местах Вертхаймер не мог не помешаться и в конце концов совсем сойти с ума, сказал я, и я сказал себе, что он всегда был именно тем Пропацим, о котором говорил Гленн Гульд; Вертхаймер был типичным человеком тупика, сказал я себе, из одного тупика он снова и снова уверенно забредал в другой тупик, <...> и вообще такие люди всегда имеют выбор лишь между одним тупиком и другим [Т. Б., с. 58–59]

В первых двух случаях переводчик предпочел эксплицировать отношения между компонентами композита, однако при этом произошла стилистическая нейтрализация: описательный перевод немецких экспрессивных окказионализмов лишил их изначальной оригинальности и необычности. Стоит также отметить, что перевод словообразовательного элемента *Zettel*- как 'каталожная карточка' мы считаем неточным, уместнее было бы подобрать более общий эквивалент (например, 'записка'). В третьем случае переводчик преобразовал исходный композит *Sackgassenmensch* в словосочетание *человек тупика*. Такую передачу мы считаем очень удачной, ибо так сохраняется экспрессивность и яркость немецкого слова со статусом *ad hoc*. По нашему мнению, похожим образом можно было бы перевести и две предыдущие окказиональные единицы – например, *человек охотничьих домов* и *человек записок* (можно сравнить с узуальным в русском языке словосочетанием *человек слова*, таким образом, и в языке перевода будет наблюдаться расширение употребительной словообразовательной модели, а также нарушение семантической согласованности компонентов словосочетания). Именно эта трансляция на русском языке позволила бы сократить объем переводческих потерь.

На основании анализа приведенных примеров окказиональных композитов с компонентом *-mensch* можно сделать вывод о том, что при словосложении в немецком языке происходит не только «конструирование и переконструирование слов из существующих основ», как это утверждала германист Е. В. Розен, но и переконструирование смыслов. Так, в значении давно известных слов, входящих в состав окказиональных композитов, могут появляться новые компоненты, которые проявляются в контексте, к которому в низкой или высокой степени привязаны окказиональные единицы.

При переводе авторских образований могут использоваться различные переводческие стратегии. Однако следует учитывать наличие экспрессии или ее отсутствие у исходных окказионализмов: если немецкое слово со статусом *ad hoc* наделено экспрессивностью, то необходимо стремиться к ее сохранению и в русском языке при помощи всех доступных словообразовательных средств языковой системы. В противном случае яркость и необычность немецких композитов не будет воссоздана в языке перевода, что приведет к тому, что оригинальные авторские образы, из которых и состоит авторский стиль писателя, не найдут своего отражения в переводном тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rosen, E. B.* Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке : кн. для учителя / Е. В. Розен. – М. : Просвещение, 1991. – 189 с.
2. *Fleischer, W.* Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – 2., unveränderte Aufl. – Leipzig : Bibliographisches Inst., 1977. – 394 S.
3. *Нурисламова, Ф. Н.* Оказиональные префиксально-глагольные дериваты в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Ф. Н. Нурисламова ; Моск. гос. ин-т иностр. яз. – М., 1988. – 22 с.
4. *Лыков, А. Г.* Оказиональное слово как лексическая единица речи / А. Г. Лыков // НДВШ. Филол. науки. – 1971. – № 5. – С. 70–81.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

T. B. – Bernhard, T. Der Untergeher : Roman / T. Bernhard. – 1. Aufl. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1983. – 165 S.

Т. Б. – Бернхард, Т. Пропащий : роман / Т. Бернхард // Иностранная литература. – 2010. – № 2. – С. 2–70.

The article considers occasional words with the component -mensch used by Thomas Bernhard in his novel “Der Untergeher” and possible ways of their translation into Russian. The original text and the translation by A. V. Markin are compared and analysed.